

СООТНОШЕНИЕ АЛЛИТЕРАЦИИ И РИФМЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ СТИХОСЛОЖЕНИИ

Б. А. Мусуков

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального научного центра
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»*

Поступила в редакцию 18 мая 2017 г.

Аннотация: *статья посвящена исследованию ритмико-звуковой организации карачаево-балкарского стиха. К числу употребительных средств относится звуковой повтор, в котором участвуют гласные и согласные звуки, имеющие смысловозначительные особенности. В статье рассматривается соотношение аллитерации и рифмы (ритмического повтора) – важнейших композиционно-ритмических средств карачаево-балкарского стиха, выполняющих одни и те же функции. В работе аллитерация исследуется как одна из разновидностей рифмы. В ней затрагиваются вопросы грамматической рифмы, приводятся различные формы параллельно употребляющихся аффиксов – созвучных слогов-аффиксов.*

Ключевые слова: *грамматическая рифма, созвучные слоги-аффиксы, аллитерация, именные созвучия, причастные созвучия, рифмованные конструкции, синтаксический параллелизм, звуковой повтор.*

Abstract: *the article is devoted to the study of the rhythmic-sound organization of Karachay-Balkar verse. Sound repetition, in which vowels and consonants are involved, is one of the commonly used means of meaning differentiation. The article considers the ratio of alliteration and rhyme (rhythmic repetition) as the most important compositional-rhythmic means which perform the same functions in Karachay-Balkar verse. Alliteration is studied as one of the varieties of rhyme in the work. It touches upon the questions of grammatical rhyme, various forms of parallel affixes-consonant syllable affixes are given.*

Key words: *grammatical rhyme, consonant syllogical affixes, alliteration, nominal consonances, participial consonances, rhymed constructions, syntactic parallelism, sound repetition.*

Аллитерация как звуковая организация карачаево-балкарского стиха, как стилистический прием, выражающий форму усиления качества, заключается в повторении одинаковых гласных и согласных звуков или звукосочетаний. Являясь одним из способов украшения стиха в начале и его середине, она выступает как в ритмико-композиционной функции, так и смысловозначительной. Анализ аллитерационного стиха свидетельствует о том, что при аллитерации, как способе стихосложения, звуковая организация текста наилучшим образом связывается с его ритмической организацией. Ритмико-синтаксический прием – повторение всего словосочетания первой строки – создает особую художественную выразительность четверостишия, показывает динамичность развития действия и в определенной степени градацию и неразрывную последовательность событий.

В карачаево-балкарском народном стихе, образованном под влиянием синтаксического параллелизма, встречается и грамматическая рифма. Она охватывает несколько последних слогов в конце стиха, в результате чего отмечается тенденция к расширению рифмы, «к тому, чтобы рифмовать не только последний («ударный») слог, а два или три слога, т. е. не

один аффикс, а целую одинаковую группу аффиксов» [1, с. 656–657]. Например, в фольклорном произведении «Нарты» имеются:

1. Слова-рифмы с одним созвучным параллельно сочетающимся аффиксом – созвучным слогом-аффиксом:

*Къарашауай – Алауганны деу жаши-ы,
Чыран бузла болдула сууу, аш-ы.
'Карашауай – сын могучего Алаугана,
Ледники стали его водой, питьем' [2, с. 193].*

Здесь параллельно рифмуются с одной стороны имена существительные *жаши* 'сын' и *аш* и без аффикса принадлежности *-ы*. С другой стороны рифмуются эти же имена существительные *жаши-ы* и *аш-ы*, в составе которых выступает аффикс принадлежности *-ы*.

2. Слова-рифмы с двумя созвучными параллельно употребляющимися аффиксами – созвучными слогами-аффиксами:

*Аланы кючлерин киши сез-ме(й)-ди,
Къарап кёрген а, кюлмейин тёз-ме(й)-ди.
'Никто не догадывается об их силе,
А увидевший, не удерживается от смеха' [2,
с. 194].*

Здесь в глаголах *сезмейди*, *тёзмейди* параллельно рифмуются с одной стороны глаголы *сез* 'догадаться' и *тёз* 'терпеть' и без аффиксов *ме(й)* (аффикс отрицания), *-ди* (предикативный аффикс прошедшего времени, изъявительного наклонения). С другой стороны рифмуются эти же глаголы с участием отмеченных аффиксов: *сез-ме(й)-ди*, *тёз-ме(й)-ди*.

3. Слова-рифмы с тремя созвучными параллельно употребляющимися аффиксами – созвучными слогами-аффиксами:

Сырпыны да кьулач-кьулач соз-ул-гъан-ды.

Керек болса, ол ызына жый-ыл-гъан-ды.

'Волшебный меч растянулся на размах руки,
При необходимости он собирается обратно' [2, с. 100].

В поэтических формах фольклора многокомпонентные слова с участием четырех и более созвучных параллельно употребляющихся аффиксов – созвучных слогов-аффиксов не встречаются, а если и встречаются, то редко:

Андан сора нартла Тебен элге бар-гъан-ды-ла.

Жерни кьязып, жел гыбытны чыгъ-ар-гъан-ды-ла.

'После этого нарты пошли в Нижнее село,
Выкопав землю, достали ветровой бурдюк' [2, с. 77].

В некоторых случаях в рифмующихся окончаниях двустежидий встречаются фонетические варианты одного и того же аффикса:

Ариулугъу ташны, тауну жарыта,

Хар бир затны ол кесине кьарата.

'Красотой своей освещая камни, горы,
Каждую вещь привлекая на себя' [2, с. 72].

В отдельных случаях встречаются и причастные созвучия, основанные на синтаксическом параллелизме начальных слов нартского стиха:

Бетин боял, чыкьгъанд тенгиз жагъагъа,

Излей, барып, мингенд кьайын кьангагъа.

'Украшив лицо, вышел к берегу моря,
Разыскивая, он сел на березовую доску' [2, с. 72].

В более редких случаях в строках богатырского эпоса встречаются и именные созвучия в виде одинаковых падежных окончаний, притяжательных аффиксов (*-сы/-си*, *-ны/-ни*):

Кюндю Сатанайны атасы,

Айды аны тапхан татлы анасы.

'Солнце у Сатанай отец,
Луна, родившая ее, любимая мать' [2, с. 71].

Орайда, Ёрюзек да болгъан эди нартла батыр уланы,

Орайда, кён зулмудан, кён палахдан кьутхар-гъан эд ол нартланы.

'Орайда, Ёрюзек был смелым сыном нартов,
Орайда, от многих притеснений, гнета, беды спас он нартов' [2, с. 73].

Можно привести примеры употребления именных созвучий в виде одинаковых падежных окончаний в конце строки:

Сатанай чапханлай келди нартлагъа.

– Бу не кьайгъыды? – деп, сорду ныгъышда кь-артлагъа.

'Сатанай прибежала к нартам.
– Что за волнения? – спросила она у стариков' [2, с. 77].

Нарт Ёрюзек чыкьгъан эди, кьарай жолгъа,

Жыйыны бла кирген эди бир наратлы кьолагъа

Нарт Ёрюзек вышел, смотря на дорогу,

С отрядом зашел он в сосновый бор' [2, с. 297].

В эпических стихах и народных лирических песнях встречаются с высокой частотностью созвучия, характеризующиеся ассимиляцией согласных, фонетические варианты формообразующих аффиксов, например: *-ды/--ди-*, *-ду/--дю-* (аффикс глаголов прошедшего времени изъявительного наклонения, в форме которого ведется повествование и одновременно аффикс 3-го л. ед.ч.):

Уллу Дыхдан энишге, кьуш кибик, учханды,

Нарт Жыйынына ашыгъышлы чапханды.

'С Большого Дыха полетел вниз словно орел,
На группу нартов прибежал поспешно' [2, с. 296].

Нарт Ёрюзек токьсан кюнню урушханды,

Кёк да ЖерТейриси да анга болушханды.

'Нарт Ёрюзек воевал девяносто дней,
Небо и Бог Земли помогли ему' [2, с. 297].

В богатырском эпосе в конце рифмующихся двустежидий встречаются одинаковые глагольные созвучия в форме множественного числа на *-ла*, т. е. данный аффикс является дальнейшим морфологическим развитием глаголов прошедшего времени на *-ды*, например:

Ура-бере нартла Кьуф таулагъа киргендиле,

Тёбелеча, эмегенлени кёргендиле.

'Нарты, торопясь вошли в горы Кьуф,
Увидели больших, как холмы, великанов' [2, с. 296].

**Нарт батырла садакълагъа болдула,
Жартылары атларына къондула.**

‘Богатыри нарты взяли луки,
А половина их села на лошади’ [2, с. 296].

В эпических текстах в конце рифмующихся двустихий, наряду с литературными, встречаются и разговорные эллиптированные формы одинаковых глагольных созвучий, в которых употребляется аффикс множественного числа *-ла*:

**Эмегенлени кырыргъа излей элде,
Кылычларын чыгаргъанлай келе элде.**

‘Они хотели уничтожить великанов,
Держа сабли наготове’ [2, с. 295].

В некоторых случаях в фольклорных текстах встречаются и более сложные созвучия, состоящие из комплекса параллельно употребляющихся словообразовательных и словоизменительных аффиксов, присоединяемых в определенной последовательности с сохранением закона сингармонизма к корневому элементу, например:

**Кюндюзледе ачыкълагъа чыкъ-ма-гъыыз,
Кечеледе жолда отла жакъ-ма-гъыыз.**

‘Днем не выходите в открытые места,
Ночами на дороге не зажигайте огней’ [2, с. 295].

Такие же глубокие и полные созвучия параллельно сочетающихся аффиксов можно отметить и в современной балкарской поэзии, в частности стихах К. Кулиева:

**Андан сюеме ырахат-лыкъ-ла-рын,
Къыш акъ болуп, жай жашил бол-гъан-ла-рын,
Жерге, кёкге сабыр къара-гъан-ла-рын,
Керексиз къаугъа этмей тур-гъан-ла-рын.**

‘Поэтому я люблю их спокойствие,
Зимой их белизну, а летом – зелень,
То что на землю небо спокойно смотрит,
То что они не поднимают шума’ [3, с. 515].

Здесь рифмуются, начиная со второй строки, корни *бол-*, *къара-*, *тур-* + *-гъан* – аффикс причастия + *-ла* – аффикс мн. ч. + *-ры* – притяжательный аффикс 3-го л. ед. ч. + *-н* – аффикс родительного падежа. В первой строке рифмуются корень *ырахат* ‘спокойный’ + *-лыкъ* – аффикс принадлежности + *-ла* – аффикс мн. ч. + *-ры* – притяжательный аффикс 3-го л. ед. ч. + *-н* – аффикс родительного падежа [3, с. 515].

К числу более сложных и глубоких созвучий, сочетающих в себе различные параллельно употребляющиеся формообразующие аффиксы, относятся рифмованные конструкции, в составе которых участвуют и аффиксы отрицания:

**Аллыгъызда къузгъун, къаргъа кычыр-ма-сын,
Жер Тейриси жаныгъызны кёрге чакъыр-ма-сын.**

‘Пусть перед вами не кричит ворон,
И не позовет Земной Бог увидать вашу душу’ [2, с. 295].

Здесь рифмуются корни *кычыр-*, *чакъыр-* + *-ма* – аффикс отрицания + *-сын* – аффикс 3-го л. ед. ч. Эквивалентом рифмы в богатырском стихосложении часто выступает простое повторение слов. В конце строки повторяются обычно служебные слова, причем в таких случаях рифмуется и предпоследнее слово. Данное языковое явление называется параллелизмом без рифмы. Особенно активно в этой позиции функционируют глаголы *дейди* ‘говорит’, *деди* ‘сказал’, *дейле* ‘говорят’, *дейле да* ‘говорят же’, *ден* ‘сказав’. В 23 двустихиях на с. 109–110 слово *дейди* употребляется 30 раз:

**Ол ура, бере да кетгенди, дейди,
Бийик сыртлагъа да жетгенди, дейди.**

‘Говорят, что он ушел поспешно,
Говорят, что дошел до высоких холмов’ [2, с. 109].

Слово *дейле* употребляется 9 раз:

**Ёрюзек да къыйналып да ёсгенди, дейле,
Кён къыйынлыкълагъа да тёзгенди, дейле.**

‘Говорят, что Ёрюзек вырос в тяготах жизни,
Говорят, что он выдержал много трудностей’ [2, с. 109].

Слово *дейле да-* употребляется два раза, слово *ден* ни разу не встречается, оно употребляется в других двустихиях:

**Анга бир амал этейим, – ден
Айтды батыр Ёрюзек.**

‘Сказав, что окажет ему помощь,
Обратился смелый Ёрюзек’ [2, с. 111].

Свидетельством параллелизма без рифмы может служить и следующее двустихие:

**– Ёрюзекни атын' а тагъыгъыз! – дейди.
– Ёрюзекни атын' а тагъайыкъ! – дейле.**

‘Говорит: «Привяжите лошадь Ёрюзекма!».
Говорят: «Привяжем лошадь Ёрюзекма!» [2, с. 110].

В созвучиях подобного рода отмеченные служебные глаголы объединяют целые конструкции стихов, в отдельных случаях вынося эти единицы за пределы метрического ряда. К числу повторяющихся служебных глаголов, участвующих в параллелизме без рифмы, в карачаево-балкарском эпосе относится глагол *бар* ‘имеется’, ‘есть в наличии’:

*Онг жауурунумда къачым бар,
Быллай жерлеге, кьоркьуп,
Бармай кьалмазгъа да антым бар!
'У меня на правой лопатке крест,
Дал я клятву из-за страха
не обходить опасных мест.'* [2, с. 110].

Данная цепочка одинаковых рифм перебивается одной нерифмованной строкой. В героическом эпосе карачаево-балкарского народа в рифмующейся части строки употребляется узкий круг «служебных слов», встречающиеся в этой функции в связи с общим принципом повторения и параллелизма.

Основу грамматической рифмы в большинстве случаев составляет глагольная обычного типа. С точки зрения наполняемости фонетической структуры рифмы расширяются за счет включения в состав корня группы аффиксов («глубокие рифмы»):

*Ай, тутулуп, кёзю, бети къара-л-гъан-ды,
Ачыундан жюрегинден тара-л-гъан-ды.*

*'Из-за лунного затмения у него глаза, лицо почернели,
Из-за горя испытывал он сердечные муки'* [2, с. 71].

Здесь рифмуются корни *къара* 'черный', *тара-терebить, терзать* + *-л* – аффикс возможности + *-гъан* – аффикс причастия прошедшего времени + *-ды* – аффикс глаголов прошедшего времени изъявительного наклонения.

Исследователь балкарского стихосложения К. К. Бауаев отмечает, что «балкарская поэзия с ранних времен не знала стиха без звукового повтора, который не задерживал бы внимание читателя на тех или иных словах и не заставлял бы его запомнить их» [4, с. 51]. Однако дальше почему-то он пишет, что «в современной балкарской поэзии аллитерационные стихи почти не наблюдаются...» [там же, с. 51], в то время как факты современной балкарской поэзии свидетельствуют как раз об обратном. Наряду с аллитерацией в отмеченных стихах в образовании точных и неточных созвучий в составе рифмующихся слов участвуют и различные аффиксы. Аффиксальный звуковой повтор усиливает смысловые оттенки рифмы, придает тексту экспрессию и модальность. Объединение слов в звуковые пары происходит не только за счет повторения единичных аффиксальных морфем, но и за счет повторения группы аффиксов, создающих тождественные созвучия. Рифмовке подвергаются однородные члены предложения: существительное с существительным, глагол с глаголом, к которым также присоединяются грамматические показатели:

*Чыпчыкъла жый-ыл-ды-ла,
Доппаннга кьуй-ул-ду-ла,*

*Баилалла жырны, той-ну,
Бир тамаша оюн-ну* [5, с. 47].
*Воробьи собрались,
Слетелись в круг,
Начали песни, танцы,
Особенную игру.*

В глагольной рифме, наиболее употребительной в карачаево-балкарской поэзии, построение простого предложения носит стандартный характер: подлежащее находится в препозиции сказуемого, выражено чаще личной формой глагола.

В. М. Жирмунский пишет: «Смысловой и ритмико-синтаксический параллелизм стихов часто приводит к усилению конечной рифмы рифмами внутренними, т. е. словесными повторами или грамматическими рифмами между соответствующими членами предложения в начале и в середине стиха» [6, с. 15].

Пример равноценного рифме словесного повтора дается в стихотворении «Ёрюзбек бла акъ марал» из нартского эпоса, в котором в окончаниях строк неизменно встречается глагол служебного характера – традиционное *дейди* 'говорит, думает, размышляет'. В 93 строках слово *дейди* употребляется 82 раза [2, с. 106–108]. Рифма здесь образована с помощью применения глагольной формы 2-го л. ед. ч. изъявительного наклонения, а именно: *корня де(н)* 'говорить' + *-ди* (аффикса предикативности). Здесь в 82 строках грамматическая глагольная рифма фонетически усилена наличием звука *-д* в глагольном корне. Объединяя, как в приведенном стихотворении, большие группы стихов, рифма с одной стороны является результатом полного повтора, параллелизма, их тематического содержания, синтаксической формы, с другой стороны параллелизм охватывает только грамматические формы конечных слов, обозначая одно последовательное действие или однородное явление – речевую деятельность.

Параллелизм в эпических стихах охватывает только грамматические формы замыкающих строки слов, обозначающих определенные действия или однородные явления (например, частотный аффикс *-ды/-ди* обозначает действия, совершаемые в повествовании в прошедшем времени, деепричастия на *-ып/-ип* обозначают сопутствующие действия). Рифмы в нартском эпосе строятся с помощью различных морфологических средств, например:

– аффикса множественного числа *-ла/-ле*:

Нарт батырла жортууулгъа чыкъдыла,

Ала жолда отсуз, кьуусуз кьалдыла.

'Нартские богатыри вышли в поход,

Они остались в дороге без огня, фитиля' [2, с. 121];

– аффикса глагольно-причастной предикативной формы *-гъан/-хан*:

*Кёк Тейрисиди жауубузгъа болушхан,
Нарт эллеге ариу кёзден къарагъан!
‘Помогающий нашим врагам Бог Неба,
Покровительствующий нартским селам!’* [2, с. 126];

– словообразовательного аффикса понудительно-го залога *-ер*:

*Саутланып, Ёрюзмек анга минер,
Анга минип, учуп барып, Фукну уясына жетер.
‘Ёрюзмек, вооружившись, сядет на него,
Сев на него, полетев, доберется до гнезда Фука’* [2, с. 77];

– аффикса принадлежности *-лю*:

*Къонгур мыйыкъллы, къой кёзлю,
Ётюрюксюз, кеси тамам бир сёзлю.
‘С бурыми усамы, овечьими глазами,
Правдивый, верный слову’* [2, с. 78].

Довольно обычные подобные примеры часто встречаются в «Нартах» и подтверждают звуковое обособление рифмы как самостоятельного способа метрической организации стиха, от ее источника – синтаксического параллелизма.

Таким образом, в карачаево-балкарском стихе отмечается общая упорядоченность звукового строя стихотворной речи, которая выражается в реальной

звуковой организации определенной стихотворной строки.

В поэтической речи различные разновидности повторов – фонетические, морфологические и синтаксические – выступают ярким стилистическим приемом и употребляются при создании художественного образа. В стихосложении особую функцию выполняют поэтические повторы, при использовании которых образуется определенный звукообраз – художественный образ, усиленный различными средствами художественной выразительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирмунский В. М. О тюркском народном стихе. Некоторые проблемы теории / В. М. Жирмунский // Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. – Ленинград : Наука, 1974. – С. 72–79.
2. Нартла. Малкъар-къарачай нарт эпос. (Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев). – М. : Наука ; Восточная литература, 1994. – 656 с.
3. Кулиев К. Жазгъанларыны юч томлу жыйымдыгъы. Экинчи тому. Назмула (1962–1970) (Собрание сочинений : в 3 т. Т. 2. Стихи) / К. Кулиев. – Нальчик : Эльбрус, 1981. – 624 с. (на балк. яз.).
4. Бауаев К. К. Основы балкарского стихосложения / К. К. Бауаев. – Нальчик : Эль-Фа, 1999. – 51 с.
5. Омаров С. Малкъар поэзияны антологиясы (Антология балкарской поэзии) / сост. И. Бабаев [и др.]. Нальчик : Эль-Фа, 1996. С. 45–49 (на балк. яз.).
6. Жирмунский В. М. Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха / В. М. Жирмунский // Вопросы языкознания. – 1964. – № 4. – С. 3–24.

*Институт гуманитарных исследований – филиал
Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»*

*Мусуков Б. А., доктор филологических наук, заведующий
сектором карачаево-балкарского языка
E-mail: kaitaeva07@mail.ru
Тел.: 8-866-242-70-04; 8-928-083-67-97*

*Institute of Humanitarian Research – Branch of the
Federal Research Center «Kabardino-Balkarian Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences»*

*Musukov B. A., Doctor of Philology, Head of the Kara-
chay-Balkar Language Sector
E-mail: kaitaeva07@mail.ru
Tel.: 8-866-242-70-04; 8-928-083-67-97*